

шить его другимъ, и воинъ — этотъ храбрець, подстрекающій другихъ къ нападеніямъ и грабежу, чтобъ самому захватить какъ можно больше добычи и рабовъ, употребили всѣ усилія, чтобъ подчинить себѣ первобытныя общества и распространить тѣ обычаи, которыя должны были обезпечить имъ господство надъ массами. Пользуясь безпечною, малодушіемъ, страхомъ и инертностью толпы, они сумѣли упрочить тѣ обычаи, которыя служатъ и теперь исходнымъ пунктомъ ихъ господства.

Для этого они особенно усердно эксплуатировали рутинный духъ, присущій человѣку и достигающій поразительнаго развитія у дѣтей, дикихъ народовъ и животныхъ. Человѣкъ, зараженный суевѣріемъ, боится всякихъ новшествъ и поклоняется всему старому. Наши отцы придерживались такихъ то взглядовъ, они прожили свой вѣкъ, воспитали насъ и были болѣе или менѣе счастливы; слѣдуйте ихъ примѣру!» — говорятъ старики молодымъ людямъ, когда эти послѣдніе стремятся ввести какія-либо преобразованія. Неизвѣстное ихъ страшитъ; они цѣпляются за прошлое даже если въ этомъ прошломъ нѣтъ ничего кромѣ нищеты, угнетенія и рабства. Надо замѣтить, что чѣмъ человѣкъ несчастнѣе, тѣмъ больше онъ боится измѣнить свое положеніе изъ страха стать еще несчастнѣе. Лучъ надежды и тѣнь благосостоянія должны посѣтить его убогую хижину, чтобы онъ сталъ стремиться къ лучшему, критиковать свою прежнюю жизнь и жаждалъ переменъ. До тѣхъ поръ пока надежда не зародится въ его душѣ, пока онъ не освободится отъ опеки тѣхъ, которые ловко эксплуатируютъ его суевѣріе и страхъ, онъ предпочитаетъ не измѣнять своего положенія. Какъ только молодежь пытается ввести какія-либо преобразованія, старики бьютъ тревогу и встаютъ противъ новаторовъ. Любой дикарь предпочтетъ умереть, чѣмъ отступить отъ обычаевъ своей страны, такъ какъ съ ранняго дѣтства ему внушали, что малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ обычаевъ принесетъ ему несчастіе и станетъ причиной гибели всего его племени. Да и въ наши дни сколько политическихъ дѣятелей, экономистовъ и, якобы, революціонеровъ поддаются тому же страху и цѣпляются за уплывающее прошлое. Сколько пылкихъ новаторовъ ищутъ прецедентовъ и стремятся слѣпо копировать предшествующія революціи.

Этотъ духъ рутины, порожденный суевѣріемъ, малодушіемъ и трусостью, во всѣ времена былъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ угнетателей; въ первобытныхъ обществахъ священники и военнo-начальники ловко эксплуатировали его, стремясь увѣковѣчить тѣ обычаи, которые могли обезпечить имъ власть надъ племенами.

Пока начальники могли держать въ своихъ рукахъ власть надъ народомъ, ловко эксплуатируя консервативный духъ его; пока естественныя неравенства между людьми не увеличились въ десять и даже въ сто разъ благодаря концентраціи власти и капитала — не было нужды въ законѣ и поддерживающихъ его судахъ и наказаніяхъ.

Но когда общество раздѣлилось на два враждебныхъ класса, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ установить свое господство, а другой стремился избѣжать его ига, между ними завязалась борьба. Въ наши дни побѣдитель старается закрѣпить совершившійся фактъ, сдѣлать его неоспоримымъ, святымъ и почитаемымъ, пользуясь всѣмъ тѣмъ, чему поклоняются побѣжденные.

Законъ появляется на сцену; его санкціонируетъ священникъ, а воинъ предоставляетъ къ его услугамъ свой мечъ. Законъ стремится утвердить обычаи, выгодные для господствующаго меньшинства, а военная сила беретъ на себя обязанность поддерживать полное подчиненіе закону. Эта новая функція является въ рукахъ военныхъ новымъ орудіемъ для утвержденія ихъ власти; они уже не грубая военная сила: они защитники Закона.

Но если Законъ представлялъ бы собою сборникъ предписаній, выгодныхъ только для господствующихъ классовъ, то онъ не былъ бы принятъ, и никто не подчинился бы ему. Вотъ почему законодатели положили въ основу своего кодекса оба теченія обычаевъ, о которыхъ мы говорили: принципы морали и солидарности, выработанные совмѣстной жизнью, и положенія, санкціонирующія неравенство. Обычаи, необходимые для существованія общества, ловко совмѣщены въ этомъ кодексѣ съ принципами, выгодными для господствующихъ классовъ и требуютъ къ себѣ одинаковаго уваженія со стороны народа. — „Не убивай!» говоритъ кодексъ и „плати священнику», сейчасъ же прибавляетъ онъ. — „Не воруй», говоритъ кодексъ и вслѣдъ за этимъ: „Если ты не заплатишь налога, тебе отрежутъ руку».

Вотъ каковъ Законъ; свой двойственный характеръ онъ сохранилъ и до сихъ поръ. Его происхожденіе — стремленіе господствующихъ классовъ увѣковѣчить обычаи, искусственно навязанные народу для своей выгоды. Его характеръ — ловкое совмѣщеніе обычаевъ полезныхъ для общества —